

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 801.3

DOI: 10.17223/22274200/10/7

Рецензия на книгу:
Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкай Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; под ред. В.В. Морковкина. – М.: Словари XXI века: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. – 1456 с. – (Фундаментальные словари).

Большой универсальный словарь русского языка – первый российский словарь мирового уровня, встающий в один ряд с всемирно известными универсальными изданиями Oxford University Press,

Longman (Pearson Education) и Duden и не имеющий аналогов в современной русской лексикографии. Это результат многолетнего труда авторского коллектива под руководством доктора филологических наук, профессора В.В. Морковкина.

В Словаре представлено в алфавитном порядке около 30 000 наиболее употребительных слов всех частей речи, составляющих лексическое ядро русского языка. Впервые при каждом слове приводятся сведения, отражающие практически все его лингвистические свойства: написание, ударение, особенности произношения, грамматические формы, значения с указанием их активности или пассивности, сочетаемость, синонимы, антонимы, паронимы, употребление в составе фразеологизмов, культурологическая и страноведческая информация. Рассматривается морфемный состав слова, дается словообразовательная структура, перечисляются производные от него лексические единицы, приводится этимология. Словарь предназначен для преподавателей русского языка как родного, а также как иностранного, отечественных и зарубежных специалистов в области русистики, а также школьников, студентов и всех интересующихся нормативным употреблением русских слов.

Сегодня одной из наиболее актуальных тенденций общей и учебной лексикографии следует, вероятно, считать стремление к предъявлению в словарном произведении комплексной, или многоаспектной, информации о слове. Даже те словарные продукты,

которые ставят перед собой цель отражения конкретной языковой категории, имеют такое количество профильных и непрофильных параметров описания, что не могут считаться аспектными словарями в собственном смысле слова (ср., например, «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» под рук. Ю.Д. Апресяна). Эпоха словарной аспектизации, особенно характерной для последней четверти XX в., на наших глазах сменяется эпохой комплексности. Свидетельством тому является не только появление большого количества коммерческих словарных проектов, имеющих в своём названии слово «универсальный» и достаточно механически сочетающих разноплановую информацию о слове, но и концептуализация новых, поистине неординарных и высокопрофессиональных подходов к лексикографированию языковых единиц.

Среди таких подходов следует отметить в первую очередь синергетический подход, идея которого была выдвинута В.В. Морковкиным. Под синергетическим учёный понимает лексикографирование, «которое основано на таком предъявлении и распределении информации о **различных свойствах рассматриваемых в словаре языковых единиц**, при котором предъявляемые сведения, целесообразно **сопрягаясь** и по возможности **усиливая** друг друга, обеспечивают достижение максимального **стереоскопического объяснительного эффекта**» [1. С. 466]. Первым опытом синергетического лексикографирования можно считать «Лексическую основу русского языка» [2], в которой лексическое ядро описывается с точки зрения и его идеографического расслоения, и его синонимической, антонимической, омонимической, паронимической, фразеологической ценности, и его этимологической, ортологической и страноведческой специфики. Однако разноаспектная информация о слове, представленная в «ЛОРЯ», дана там распределённо, вследствие чего объёмный портрет слова не явлен *de visu*, а выступает конструктором ума рефлексирующего пользователя.

Новое качество лексикографической синергии достигнуто в «Большом универсальном словаре русского языка» (БУС), который содержит галерею интегрированных портретов наиболее важных русских слов. Указанный словарь не имеет аналогов ни в отечественной, ни в мировой лексикографии и демонстрирует целый комплекс беспрецедентных лексикографических решений и процедур. Поскольку серьёзное обсуждение всех предложенных в БУС новаций потребует не десять и даже не двадцать страниц печатного тек-

ста, обратимся здесь к исчислению и краткому комментированию лишь основных из них.

Наиболее рельефной особенностью обсуждаемого лексикографического произведения является, разумеется, его **всеохватность**. (Заметим попутно, что на протяжении многих лет в качестве рабочего названия словаря выступало словосочетание «Всеохватный объяснительный словарь русского языка».) Всеохватность в концептуальных рамках БУС понимается в русле интенсивного лексикографирования, т.е. такого, которое ставит во главу угла не количество заголовочных единиц в словаре, а глубину их лингвистической проработки. Показателем данной глубины могут служить параметры описания слова, которых в рассматриваемом словаре насчитывается порядка семнадцати, ср. орфоэпический, акцентологический, грамматический, семантический, парадигматический (синонимы, антонимы, таронимы, т.е. слова, которые могут смешиваться в речи по причине смысловой и / или формальной смежности, эквонимы, т.е. тематически соотносимые слова одного уровня обобщения), функционально-стилистический, эмоционально-экспрессивный, сочетаемостный, фразеологический, страноведческий, морфемный, деривационный, этимологический параметры и некот. др.

Так, из словарной статьи слова *кролик* мы можем узнать: 1) его ударение и грамматическую характеристику; 2) совокупность значений слова и стилистическую маркированность каждого ЛСВ; 3) синонимы слова в каждом лексико-семантическом воплощении; 4) типичную сочетаемость; 5) фразеологические единицы, включающие это слово; 6) морфемную структуру слова; 7) его словообразовательные производные; 8) информацию о его этимологии (см. словарную статью ниже).

КР'ОЛИК, -а, *м., од., I в.*

1.0. Похожее на зайца животное отряда грызунов; самец этого животного.

Маленький (белый, дикий, домашний...) **кролик**. Клетка... **с кроликами**. Разводить... **кроликов**. *См. тжж. з'аяц* 1.0. □ Кролики любят капусту и морковку. ● 1.1. Тушка или мясо этого животного как продукт питания; еда, приготовленная из такого мяса, а тжж. порция такой еды. ★ **Син.** <крольч'атина>. *Рагу из кролика*. ● 1.2. *зд. ед.* мех этого животного. *Шапка из кролика*. ● 2.0. *с прописной буквы, употр. при слове «год»*, *зд. ед.* символ четвёртого года двенадцатилетнего цикла древнего восточного календаря. ★ **Син.** З'аяц,

Кот. *Родиться в год Кролика. Прошлый год был годом Кролика.*

● 2.1. *разг., с прописной буквы.* Человек, к-рый родился в год, обозначенный таким символом, находится под его влиянием и обладает определёнными, отличными от людей других знаков, качествами.

★ *Син.* З'аяц, Кот. *Это правда, что у тебя жена – К.?– Ну, К., а что?*

◇ *Под'опытный кр'олик* *неодобр.* – о том, на ком что-л. проверяется, испытывается. *Бр'атцы-кр'олики* *разг.* – шутливое или фамильярное обращение к собеседникам, к окружающим.

|| *Морф.* кр'олик-Ø. *Дер. женск. крольч'их(а) ж.* (к знач. 1.0.), *детск. крольч'онок м.* (к знач. 1.0.), *сущ. крольч'ат-ин(а) ж.* – , *крольч'ат-ник м.* – , *кролик-о-вод м.* – ; *прил. кр'олик|ов(ый)* (к знач. 1.2.), *кр'олич'ий* – . *Этим.* ← польск. królik << król – ‘король’ << калька ср.-в.-нем. küniklin – ‘королёк’ << лат. cuniculus – ‘кролик’ (латинское слово по созвучию было воспринято германцами как уменьш. ф. Küniglin от König – ‘король’) [3. С. 467–468].

Синергичность лексикографического описания является следствием того, что в его основу легла синергичная по своему существу концепция лексического значения слова. БУС является если и не первым, то по крайней мере наиболее полным и, если можно так выразиться, вершинным практическим воплощением предложенного В.В. Морковкиным информационного понимания значения слова. В соответствии с ним значением называется «сопряжённая с соответствующей материальной оболочкой информация, которой необходимо обладать для того, чтобы правильно употреблять слово в собственной речи и безошибочно понимать его в речевых произведениях других» [4. С. 19]. Указанная информационная трактовка воплотилась в трипостасной модели лексического значения, в рамках которой слово имеет абсолютную ценность (семантика), относительную ценность (парадигматика в широком смысле слова) и сочетательную ценность (синтагматика) [Там же. С. 19–23]. На раскрытие каждого ценностного блока в Словаре работает комплекс словарных зон. Так, абсолютная ценность освещается прежде всего в толковании ЛСВ, а также в страноведческой (в том случае, если в ней помещена культурологическая справка) и отчасти мотивационной зоне словарной статьи, поскольку этимология не только указывает на происхождение единицы, но в некоторых случаях способна существенно прояснять её смысл, например:

ЦЕЛОВАТЬ ← *праслав.* *cělovati << cělъ – ‘целый; здоровый; невредимый’ (т.е. первоначально слово значило ‘желать кому-л. возвратиться из похода, с охоты и т.п. целым и невредимым’) [З. С. 1368].

Обнаружение относительной ценности слова осуществляется посредством приведения в известность, во-первых, непосредственных соседей единицы по лексической системе (синонимов, антонимов, таронимов); во-вторых, стилистических и эмоционально-экспрессивных помет; в-третьих, иерархически упорядоченного перечня лексических значений слова (эпидигматического гнезда); в-четвёртых, информации о словообразовательном гнезде и, наконец, в-пятых, статистической характеристики слова. Последняя выступает в Словаре чаще всего в качестве дополнительного инструмента дифференциации синонимов, например:

УСН'УТЬ <...> ★ *Син.* засн'уть *употр. чаще* [1314], **КАК БУДТО**¹, *сз.* <...> ★ *Син.* будто¹ *употр. реже*, словно¹ *употр. реже*, <точно², как будто бы, будто бы>, как² *употр. реже* [З. С. 405].

Наконец, сочетательная ценность слова получает характеристику в сочетаемостной (что очевидно), фразеологической и страноведческой (в том случае, если в ней приводятся прецедентные высказывания) зонах словарной статьи.

Антропоцентрическая устремлённость Словаря и учёт потребностей пользователей, изучающих русский язык как иностранный, привели к появлению совершенно оригинального параметра лексикографического описания единицы, который может быть назван ориентацией на вид речевой деятельности. В соответствии с ним словник произведения делится на активный, т.е. такой, который состоит из единиц, предназначенных как для рецепции, так и для продукции речи (вводятся абзачным отступом), и пассивный, т.е. такой, который включает единицы, используемые преимущественно для рецепции (вводятся полужирным кружком). Функциональная особенность пассивных единиц словника предопределила вполне обоснованную редукцию их описания в области сочетаемости – последняя раскрывается с помощью иллюстративных речений (словосочетаний и предложений). Поскольку оценке по данному параметру подвергается не слово целиком, а каждый его ЛСВ, читатель может

видеть «видоречевой срез» слова, который часто не совпадает со срезом семантическим. Например:

РАЗВ'ОД • 1.0. *Р. школьников по классам.* • 1.1. *Р. часовых.* • 2.0. *Сотни туристов собираются на Неве смотреть на р. мостов.* 3.0. *Родители уже пять лет в разводе* [Там же. С. 980]. Обращение к хорошо известному методике, но недостаточно освоенному лексикографией параметру ориентации на вид речевой деятельности позволило авторам БУС создать первый на русском языковом материале активно-пассивный словарь (ср. в связи с этим недавно вышедший «Активный словарь русского языка» под рук. Ю.Д. Апресяна).

Безусловным прорывом в области описания грамматических свойств лексической единицы является использованная в БУС присловарная грамматическая характеристика, сущность которой состоит в приведении в зоне словарных приложений регулярных парадигм словоизменения, связанных с заголовочными единицами удобной индексацией, доступной пользователю без специальной лингвистической подготовки. Любые акцентологические или собственно морфологические отклонения от представленной в присловарной зоне парадигмы находят отражение в присловной, т.е. расположенной непосредственно в словарной статье, грамматической характеристике, ср.:

ЖЁСТК|ИЙ, *кратк. ф.:* м. жёсток, ж. жестк'а и *доп.* жёстка, *сравн.* I жёстче, *превосх.* I *употр. редко, кач.*, IV б [Там же. С. 301].

ИД|Т|И, *ид|'у*, -ёт, -'ут, *прош.:* м. шёл, ж. шл|а, *прич. действ. прош.* ш'едш|ий, *деепр.* ид'я и *устар.* и *разг.* 'идучи, *несов.*, V а; **пой|т'|и**, *пойд|'у*, -ёт, -'ут, *прош.:* м. пошёл, ж. пошл|а, *повел.* пойд'и и *разг.* под'и, *прич. действ. прош.* пош'едш|ий, *деепр.* пойд'я, *сов.*, V а; *неперех* [Там же. С. 369].

Процедура деления грамматической информации о слове на регулярную и нерегулярную представляется удачным примером рационализации лексикографического описания, который, ко всему прочему, имеет мощный аналоговый потенциал, поскольку позволяет применить лежащий в его основе принцип по отношению к иным аспектам словарного описания (фонетическому, словообразовательному, семантическому и др.).

Среди частных лексикографических находок в области описания грамматики слова можно отметить указание *зд[есь]*, которое вводит особенность слова, присущую ему в данном конкретном значении, например:

«**ДАЛЁК|ИЙ** <...> • 4.1. *зд. кратк. ф., в знач. сказ.* Такой, к-рый совсем не похож на кого-что-л. <...> *Скоро она поняла, как далёк её избранник от того сказочного героя, которого она создала в своём воображении* [З. С. 223],

а также указание на грамматическую ограниченность единиц, фигурирующих в сочетаемостной зоне, напр., «**Хорошо** сделать что-л. (подготовить кого-что-л., работать *несов.*, учиться *зд. несов.*, вести *несов.* себя, выглядеть *несов.*, одеваться *обычно несов.*, п'ахнуть *несов.*, сказать, выразиться, назвать кого-что-л., воспитать кого-л., выучить кого-что-л. ...)» [З. С. 1358]. Это же указание используется и при стилистической характеристике заголовочных единиц и слов, сочетающихся с ними, ср.:

«**ОБЛЕГЧ|И|ТЬ** [хч] <...> • 3.1. Сделать менее тяжёлым, изменить к лучшему, а ткж. *зд. разг.* избавить от какой-л. проблемы, какого-л. затруднения» [Там же. С. 644].

ГОЛОС' <...> подсчитывать (суммировать *сов. и несов.*, покупать *зд. неодобр.*, продавать *зд. неодобр.*, отнимать у кого-л., отбирать у кого-л., завоёвывать...) **голоса**... [Там же. С. 200].

Говоря об отражении стилистического качества входящих в словарный массив единиц, нельзя не обратить внимания на фактическое удвоение в БУС традиционного функционального статуса слова, которое позволяет уловить более тонкие стилистические обертоны. Данное удвоение состоит в том, что всякий стилистический страт распадается на субстрат насыщенной и субстрат ненасыщенной маркированности. Первый вводится известными всякому пометами вроде *разг.*, *прост.*, *устар.*, *книжн.* и др., последний – посредством добавления к указанным пометам специальной пометы *с оттенком*. Таким образом, в Словаре можно встретить собственно разговорные единицы и единицы с оттенком разговорности, официальные слова и слова с оттенком официальности, книжные лексемы и лексемы с оттенком книжности и проч. Например:

РАЗУМ'ЕЕТСЯ¹, *вв. сл., с оттенком книжн.* 1.0. Употр. для подчёркнутого выражения твёрдой уверенности говорящего в достоверности, истинности высказывания [Там же. С. 989].

ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЙ [хк; н] <...> Л. человек (девушка, девица *разг.*, молодой человек, парень *разг.*, дама, особа *с оттенком ирон.*, создание, политик, молодёжь *жс.* ...) [З. С. 485].

Одним из первоочередных преимуществ БУС следует считать также глубину отражения лексической многозначности. В настоящий момент можно без преувеличения констатировать тот факт, что не существует другого такого словарного произведения, в котором полисемия раскрывается столь тщательно и последовательно. Беспрецедентно полное освещение лексической неоднозначности стало возможным благодаря двум ключевым положениям авторской лексикологической концепции: 1) все слова языка – актуально или потенциально – многозначны; 2) доминирующим методом обнаружения многозначности единицы является анализ его дистрибуции. Опора на сформулированные позиции сделала возможными обнаружение и фиксацию в БУС тончайших, практически неощутимых смысловых сдвигов метонимической природы, которые не находят отражения ни в одном другом наличествующем словаре русского языка, например:

БОРЩ <...> Жидкое кушанье, род супа из сваренных в воде или в бульоне свёклы (она придаёт кушанью красный цвет), капусты, а также других продуктов и приправ (мяса, картошки, помидоров, моркови, сладкого перца, лука и др.); **ёмкость с таким кушаньем, а тжк. порция такого кушанья** [Там же. С. 65].

Ср. контекстную реализацию трёх приведённых значений: *сварить борщ; поставить борщ в холодильник; пробить борщ на кассе*. Для адекватного представления многомерной природы лексической многозначности создатели БУС избирают ступенчатую систему нумерации значений (в лексикографии впервые применена в «ЛОРЯ» [2]), которая позволяет с помощью прикрепленного к ЛСВ составного индекса (1.0., 1.1., 1.2., 1.2.1., 1.2.1.1. и т.п.) показать отношения непосредственной производности между значениями слова.

Кроме того, на страницах БУС наконец достигнуто компромиссное и, как кажется, вполне удовлетворительное разрешение, казалось бы, неразрешимой проблемы лексикографической интерпретации

разошедшейся полисемии и функциональной омонимии. В соответствии с ним вышедшая за пределы многозначного слова единица предъявляется дважды – сначала в лоне многозначного слова в сопровождении специального значка, затем в отдельной словарной статье (если её коммуникативная значимость достаточно высока) или в словообразовательной зоне производящей единицы (если её коммуникативная значимость относительно низка). Ср.:

БОЛЬН'ОЙ' <...> • 1.1. → *сущ.* **больн'ой'**² (см. ||)». **«БОЛЬН'|ОЙ'**² <...> Большой человек [3. С. 62].

Новаторским является и приведение в БУС страноведческой информации о слове, которая доселе являлась объектом лишь профильного лингвострановедческого лексикографирования (в отличие, например, от фразеологической ценности, традиционно раскрываемой в объяснительном и, в частности, толковом словаре). Представленные в обсуждаемом произведении страноведческие сведения, по-видимому, можно разделить на три большие группы. Первая группа включает в себя сведения в меньшей степени языковые и в большей степени энциклопедические, например:

КРЕПОСТЬ <...> • **Брестская крепость** – крепость в черте г. Брест (Белоруссия, построена в 1833–1838 гг.), малочисленный гарнизон к-рой в самом начале Великой Отечественной войны (с 22 июня по 20-е числа июля 1941 г.) героически оборонялся (не хватало боеприпасов, продовольствия, воды) против полностью окруживших её немецких войск; в 1965 г. ей было присвоено звание «Крепость-герой»» [Там же. С. 463].

Вторая группа содержит культурологическую информацию и знакомит читателя с традициями и обычаями русского народа, например:

ВОД'А <...> • **Свят'ая вод'а** – вода, освящённая в церкви (особенно в день Богоявления – 19 января) и приобретающая в результате особую духовную и очистительную силу; ею пользуются в таинстве Крещения, при освящении храмов и любых бытовых предметов, при окроплении верующих во время крестных ходов и молебнов; её можно также взять в храме и принести в свой дом, где его

причащаются (пьют обязательно натошак) для предотвращения и излечения болезней и всякой немощи □ Святая вода может стоять в сосуде много лет и не портиться [Там же. С. 120].

Наконец, третья группа сведений является в полном смысле слова языковой и соотносится с разного рода прецедентными именами и высказываниями, например:

'ОСЕНЬ <...> ● **Б'олдинская 'осень** *книжн.* — об особо активном и плодотворном периоде в творческой деятельности кого-л. (первоначально об осени 1830 г., к-рую А.С. Пушкин провёл в деревне Болдино, где он создал многие свои шедевры) [З. С. 698].

Лексикографическую необычность БУС можно усмотреть и в приведении такой информации о слове, которая, хотя и не является новой для словарного дела и так или иначе находит отражение в традиционных толковых словарях, на фоне последних характеризуется полнотой, граничащей с исчерпанностью. Среди таких решений следует отметить, в частности, массивное отражение сочетаемости, которое по своей глубине не только сопоставимо с её отражением в профильном словаре, но и превосходит его. Отражённые в БУС сочетаемостные ряды имеют двоякую упорядоченность — с учётом грамматической модели и с ориентацией на наиболее употребительные лексические единицы, реализующие данную модель. Например:

ИГР'УШК|А <...> Заводная (мягкая, резиновая, пластмассовая, электронная, механическая <...>) **игрушка**; ёлочные <...> **игрушки**. **Игрушки** для мальчиков (для девочек, для дошкольников <...>). **Игрушка** с моторчиком (с колокольчиком, с музыкой ...). Магазин (отдел, набор ...) **игрушек**. Шкаф (ящик ...) для **игрушек**. Коробка (ящик, шкаф ...) с **игрушками**. Сделать (подарить кому-л., дать кому-л. <...>) **игрушку**; разбрасывать (собирать, убрать куда-л. <...>) **игрушки**. Служить кому-л. ... **игрушкой**. Играть *зд. несов.* ... **в игрушки**. **Игрушка** сломалась (потерялась ...) [Там же. С. 368].

В этом смысле можно утверждать, что в настоящее время БУС является самым полным словарём сочетаемости русских слов.

Следует особо отметить сосредоточенность авторов на собственной сочетаемости слов, т.е. такой, которая отражает специфику

именно его словоупотребления. Для введения в словарную статью несобственной сочетаемости используется помета *См. также*, которая, как и присловарная грамматическая характеристика, воплощает стремление к рационализации описания посредством использования языковой регулярности. Такой же полнотой характеризуется освещение словообразовательной ценности слова, которое осуществляется в трёх направлениях: характеристики морфемной структуры, исчисления основных производных и указания на производящее (если оно имеется).

Этимологической справке о лексических единицах присущи две основные черты, отличающие её от аналогичных комментариев в иных словарях. Первая состоит в раскрытии происхождения всех непроемных слов – как заимствованных, так и исконных, ср.:

ЛЮБИТЬ <...> *Этим.* ← *праслав.* *ljubiti << *lubъ – ‘милый, приятный’ << *и.-е. корень* *leubh- – ‘быть возбуждённым; испытывать жажду, хотеть’ [З. С. 507].

Вторая заключается в осознанной направленности на экспликацию внутренней формы слова, т.е. того признака, который послужил признаком номинации, например:

МЕДВЕДЬ <...> *Этим.* ← *праслав.* *medvědъ << *medъ – ‘мёд’ + *ěd-ь – ‘еда; пища’, т.е. буквальное значение – ‘поедатель мёда’ (эвфемизм, возникший у славян на почве табу взамен индоевропейского *(a)rk’sos, ср. *греч.* arktos, *лат.* ursus) [Там же. С. 520].

Думается, что выход в свет «Большого универсального словаря русского языка», без всяких преувеличений, знаменует новую эру в истории лексикографии, так как данный словарный труд есть не только бесценный клад информации о слове, но и конструкторское произведение, отвечающее требованиям структурности, целостности и внутренней гармоничности. Словарь предстаёт перед читателем как тщательно продуманное инженерное сооружение, соразмерное зданию лексической системы. Благодаря системному видению языка и навыкам лингвистического моделирования авторам удаётся развернуть перед читателем многомерное пространство, в котором неуловимая и вечно движущаяся языковая материя застывает в минутном оцепенении, приоткрывая свои тайны.

Литература

1. Морковкин В.В. Синергетическое лексикографирование: понятие и технология осуществления // Мир русского слова и русское слово в мире: материалы XI Конгресса МАПРЯЛ, Варна, 17–23 сентября 2007 г. – София, 2007. – Т. 2: Проблемы фразеологии: Русская лексикография: тенденции развития. – С. 465–474.
2. *Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь* / В.В. Морковкин, Н.О. Бёме, И.А. Дорогонова, Т.Ф. Иванова, И.Д. Успенская; под ред. В.В. Морковкина. – М.: Рус. яз., 1984. – 1168 с.
3. Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; под ред. В.В. Морковкина. – М.: Словари XXI века: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. – 1456 с.
4. Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. – М., 1990. – 72 с.

А.И. Ольховская

BOOK REVIEW: MORKOVKIN, V.V., BOGACHEVA, G.F. & LUTSKAYA, N.M. (2016) *BOL'SHOY UNIVERSAL'NYY SLOVAR' RUSSKOGO YAZYKA* [THE BIG UNIVERSAL DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE].

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2016, 2(10), pp.110–121.

DOI: 10.17223/22274200/10/7

Aleksandra I. Olkhovskaya, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: aleksandra_olhovskaya@mail.ru

References

1. Morkovkin, V.V. (2007) [Synergistic lexicographing: the concept and technology]. *Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire* [The world of the Russian word and the Russian word in the world]. Proceedings of the XI MAPRYAL Congress. Varna. 17–23 September 2007. Vol. 2. Sofia. pp. 465–474. (In Russian).
2. Morkovkin, V.V. (ed.) (1984) *Leksicheskaya osnova russkogo yazyka: Kompleksnyy uchebnyy slovar'* [Lexical basis of the Russian language: a comprehensive learner's dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
3. Morkovkin, V.V., Bogacheva, G.F. & Lutskeya, N.M. (2016) *Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka* [The big universal dictionary of the Russian language]. Moscow: Slovri XXI veka; AST-PRESS ShKOLA.
4. Morkovkin, V.V. (1990) *Osnovy teorii uchebnoy leksikografii* [The basis of the theory of educational lexicography]. Philology Dr. Diss. Moscow.